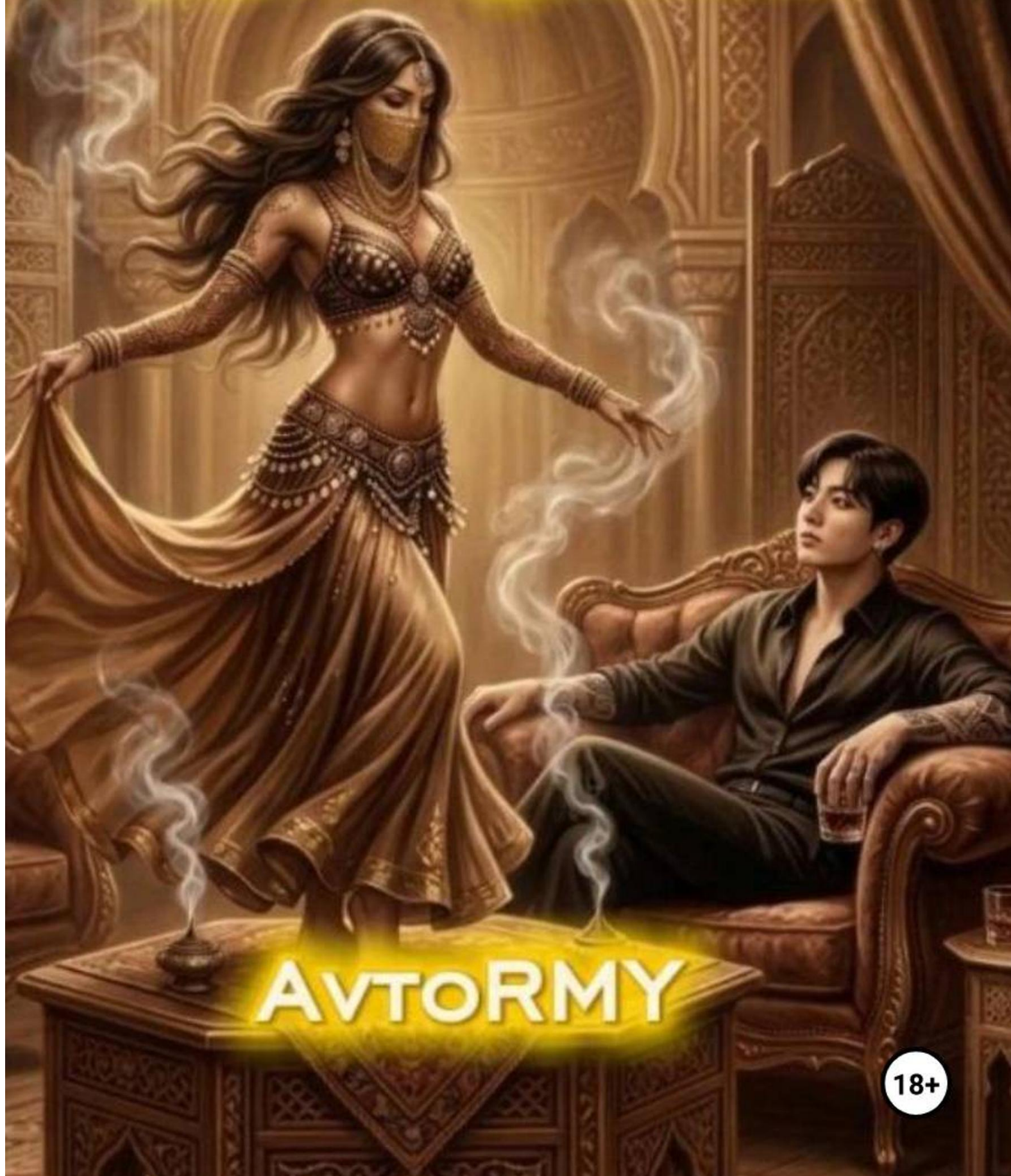

Дочь пустыни

AvtoRMY

Дочь пустыни

«Автор»

2026

AvtoRMY

Дочь пустыни / AvtoRMY — «Автор», 2026

Он - мастер продавать иллюзии. Она - пленница золотой клетки, которую отец выставляет как украшение вечера. Их встреча начинается с дерзости, а продолжается тайной сделкой. Но в пустыне не бывает сделок без песка в глазах.

© AvtoRMY, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27

AvtoRMY

Дочь пустыни

Глава 1

Чон

- Вставай!

Ледяной удар растекся по лицу, по шее, затекая под край одеяла. Я подскочил так, будто подо мной взорвался матрас. Горло перехватило, легкие отказались дышать. Перед глазами заплясали черные точки.

- Твою мать, Джин! – выдохнул я, хватая воздух и одновременно пытаюсь стереть воду с лица. Стакан валялся на полу, а мой лучший друг стоял надо мной с улыбкой Чеширского кота. – Я тебя убью. Медленно. Сначала отрежу пальцы, чтобы ты не мог больше хвататься за посуду...

- О, не продолжай свою мысль, - перебил он, зевая и потирая затылок. – Я тебя час бужу. Ты храпел так, что в соседнем доме люстры тряслись. Думаешь, эмир будет ждать, пока его высочество Чон Гук соизволит продрать глаза? Нет, бро. Он найдет себе нового агента недвижимости. А мы с тобой уедем обратно к злому начальнику, который будет медленно нас...

- Теперь ты не продолжай свою мысль! – рявкнул я, вставая с мокрой кровати. – Встал. Я встал. Доволен?

Я стоял босиком на мраморном полу, капли воды стекали по спине, во рту был привкус кошачьего дерьма. Как будто я всю ночь жевал старые носки, запивая их дешевым виски. Какого черта я решил, что напиться в день приезда – это идеальная идея?

А потом я выглянул в окно. И понял.

Все дело было в этом городе. Он дурманил. С восьмого этажа отеля открывался вид на бесконечные золотистые крыши, минералы, уходящие в небо, и узкие улочки, где даже в шесть утра уже торговали специями. Ветер доносил запах шафрана, розовой воды и жареного мяса. Солнце встало над пустыней – огромное, красное, как спелый гранат, разливая по городу такое тепло, от которого хотелось скинуть пиджак и остаться в одних шортах на весь день. А вечером... вечером этот город зажигал огни. И каждый встречный считал своим долгом сунуть тебе в руку бокал с чем-то сладким и крепким, приговаривая: «Для иностранцев, для гостей, выпей, это традиция».

И я пил. Пил как дурак. Потому что устал, потому что босс угрожал увольнением, потому что ощущал себя как на курорте. И теперь я стоял в луже воды и понимал, что эмир Фарид, скорее всего не будет столь благосклонен к опозданию, как вчерашние торговцы с выпивкой.

- Давай быстрее, - бросил Джин, кидая в меня полотенце. – Умывайся, одевайся, ты же профи. Ты за пять лет рекламы научился продавать даже говно в блестящей упаковке. А тут просто подобрать дом для богатого дядьки. Сделаешь лицо кирпичом, скажешь, что это лучший вариант на рынке, и поехали.

- Я рекламный агент, Джин, а не риелтор, - огрызнулся я, натягивая чистую рубашку. – Меня позвали помочь с переездом, потому что эмир смотрел мою рекламную кампанию для отеля в Дубае и впечатлился. Я должен продать ему идею города, а не искать ему виллу с бассейном.

- Какая разница, - Джин пожал плечами и подал мне пиджак. – Деньги одни. И он заплатит в три раза больше, чем наш босс. Так что надевай свою фирменную улыбку, приятель. Мы едем во дворец.

Когда мы вышли из отеля, жара ударила в лицо, как мокрая тряпка. Лимузин с затемненными стеклами уже ждал у входа. Водитель в белом костюме молча кивнул и открыл дверь.

- Надеюсь, там будет кондиционер, - прошептал Джин, забираясь на кожаное сиденье. – Я не вывезу твоё похмельное дыхание и тридцать градусов жары одновременно.

- Заткнись и думай дальше о деньгах, - ответил я, но внутри все сжалось. Я не люблю такие встречи. Слишком много протокола. Слишком много взглядов. Эти богатые люди видят тебя насквозь за секунды и решают, стоишь ли ты их времени. А я сегодня выгляжу как мокрая собака с мешками под глазами.

Мы ехали мимо рынков, мимо пальм, мимо белых мечетей с голубыми куполами. Город дышал, шумел, пах, жил. И я, против воли, залюбовался. Здесь все было чужим, но почему-то родным. Как будто я уже видел это во сне. Или в слишком дорогом рекламном ролике.

Наконец, машина остановилась у массивных ворот. Они открылись бесшумно, как по волшебству. Дворец эмира Фариды оказался не громоздким, как я ожидал, а легким, воздушным: белый мрамор, арки, узорчатые решетки, за которыми угадывались сады. Фонтаны журчали, птицы пели. Идеальная картинка из каталога «Жизнь, о которой ты мечтать не мог».

Нас провели в приемный зал. Там было прохладно, пахло ладаном и деревом. Эмир Фарид сидел на низких подушках, пил чай из маленькой чашки и улыбался так, будто мы старые друзья. Вокруг сустились слуги в белых одеждах, но сам хозяин был спокоен, как удав.

- А, молодой человек из Кореи! – произнес он с легким акцентом, поднимаясь. Я сразу оценил его рост. Он был ниже меня, но держался как король. Взгляд был слишком понимающим, пронизательным, какой не сыграешь ради имитированного приветствия. – Ваш друг по телефону сказал, вы устали с дороги, поэтому сегодня никаких переговоров. Только ужин. Моя семья будет рада вас видеть. – А завтра – деловой завтрак, и вы покажете мне варианты, хорошо?

Я моргнул. Джин сказал, что я пил вчера? Или по моей физиономии и так все понятно?

- Это честь для меня, ваше высочество, - выдал я, стараясь звучать уверенно.

- Просто Фарид, - он хлопнул меня по плечу, и я почувствовал, что его пальцы унижены перстнями. – Сегодня вы гости. Отдыхайте. Джин, вы любите восточную кухню? У нас лучший повар.

Джин уже облизывался, а я мысленно выдохнул. Кажется, пронесло. Я смогу продержаться до завтра.

Но когда мы вошли в огромный зал для ужина с люстрами в сотню свечей, с расписанными синими и золотыми узорами стенами, я понял, что расслабляться рано.

Эмир хлопнул в ладоши, и слуги начали выносить блюда, а зал погрузился в полумрак. В центре осталось лишь пятно света. Чей-то шепот пронесся по помещению: «Дочь эмира будет танцевать».

Я не придал этому значения. Я смотрел на арку, откуда должна была появиться танцовщица, и думал о завтрашней презентации.

А потом вышла она.

Я не увидел ее лица сразу. Только силуэт. Темно-синий шелк, облегающий тонкую фигуру, и золотые нити, которые вспыхивали при каждом движении. Она шла медленно, с достоинством, но я рекламщик, черт возьми, я привык видеть, что скрыто за постановкой. Ее пальцы сжались в кулак. Плечи чуть дрогнули, будто перед прыжком в холодную воду.

Ее заставили.

И в этот момент она подняла голову, и свет упал на ее лицо. Огромные темные глаза, выглядывающие из-за вуали, были схожи с ночным закатом над пустыней. В них не было страха, только ярость.

Неф – восточная флейта – запела. И она начала танец. Я молча опустился на подушку, не отводя взгляда. Кажется, я влип.

Глава 2

Лейла

Ближе к вечеру, когда солнце все еще немилосердно пекло, в комнату ворвалась Надия – грузная, но удивительно легкая на ногу женщина с сединой в черных волосах и вечно влажными от жара глазами. В руках она несла новый бедла. Темно-синий, расшитый золотыми нитями и мелкими камнями, которые вспыхивали при каждом движении. Лиф, жесткий пояс на бедра и длинная юбка с разрезом, который будет изящно открывать ногу при каждом шаге.

- Какая красота! – выдохнула я, подскакивая с кровати. – Что за повод? Отец решил украсить мой шкаф или готовит меня к свадьбе с каким-нибудь седым шейхом?

- Разве эмиру нужен повод, чтобы побаловать дочку? – Надия улыбнулась, но глаза дрогнули. Я знала эту улыбку. За ней пряталась просьба.

Я потянулась к костюму, перебирая пальцами прохладный шелк, прикладывая лиф к груди, кружась перед зеркалом. Камни переливались в лучах заходящего солнца, которое все еще заливало комнату горячим светом.

- Но все же? – я покосилась на Надию через плечо. – Не просто так отец прислал такое сокровище. Говори.

Надия вздохнула и опустила на край стула.

- Эмир хочет, чтобы ты станцевала для его иностранных друзей. Сегодня на ужине. Рекламные агенты. Подсластить пилюлю для удачной сделки.

Бедла выпала из моих рук.

- Не буду я танцевать перед какими-то снобами в дорогих костюмах, - голос сорвался. – Я не игрушка, Надия. И не украшение стола.

Я отошла к окну. Солнце висело низко, но жара не спадала – воздух дрожал над садом, слуги поливали розы. А мне предстояло выйти в зал, где будет душно от свечей, взглядов и фальшивых улыбок.

- Лейла... - Надия подошла и положила ладонь мне на плечо. – Ты же заешь, он не примет отказа. Твоя мама танцевала для него в день свадьбы. Она говорила, что танец – это язык, который понимают даже те, кто не знает твоих слов.

Я сжала зубы. Мама. Она всегда так говорила. И умерла, когда я была совсем маленькой, оставив мне только этот танец.

- Кто эти иностранцы? – спросила я, не оборачиваясь.

- Ой, я еще не видела их. Но подслушала разговор эмира с одним. Вроде молодые ребята. Но эмир говорит, они профессионалы. Тебе нечего бояться.

Я усмехнулась. Бояться? Я боялась не их. Я боялась, что в очередной раз растворюсь в танце как призрак.

- Хорошо, - сказала я, поворачиваясь. – Я станцую. Но только один танец. И передай отцу: если он думает, что я украшу его сделку, пусть знает – я танцую не для гостей. Я танцую в память о маме.

Надия перекрестила меня и начала подбирать с пола бедла.

Я подошла к зеркалу и провела пальцами по отражению. Внутри все кипело. Я решила: они увидят мой танец, но не увидят слез. И никто из этих гостей не догадается, что под этим шелком девушка, которая мечтает сбежать из дворца в город, где ее никто не знает.

Я надела бедла. Темно-синий лиф плотно облегал грудь, золотые нити на поясе вспыхнули в лучах заката. Живот остался открытым, как того требует танец. Надия подала мне вуаль – тонкую, почти прозрачную, расшитую по краям мелкими жемчужинами. Я накинула ее на лицо, закрепив на затылке. В зеркале остались только мои горящие глаза, которые пылали яростью.

- Ты прекрасна, - прошептала Надия, но я не ответила.

Вышла в коридор. Ноги ступали по холодному мрамору, и каждый шаг отдавался эхом в высоких арках. Люстры свисали с потолка, как хрустальные слезы, стены были расписаны синими и золотыми узорами – теми же, что я рассматривала в детстве, когда бегала босиком по этим коридорам, смеясь и прячась от мамы за колоннами.

Тогда никто не говорил мне: «Не бегай, Лейла, ты дочь эмира». Тогда я могла сидеть на полу в библиотеке, перелистывая книги с пыльными страницами, часами смотреть на фонтан и не думать о том, как выгляжу и что скажут слуги. Мама разрешала мне все. Она говорила: «Ты ветер, Лейла. Ветер не знает границ».

Но мама ушла. А ветер заперли в клетку.

С каждым годом требований становилось все больше. Надень платок, не поднимай голову, не смотри на мужчин, не спорь с отцом, не танцуй, если не попросят, но, если попросят – танцуй так, чтобы они восхищались, потому что ты – лицо нашего рода. Я превратилась в куклу с нарисованным лицом. И сегодня, в этом коридоре, каждый шаг напоминал мне об этом.

Внутри все кипело. Ярость поднималась откуда-то из груди, жгла легкие, заставляла сжимать кулаки под шелком. Я шла размашисто, не глядя по сторонам. Слуги расступались передо мной, как трава под ветром. Они опускали глаза, прижимались к стенам, кто-то шептал что-то себе под нос. Я не замечала их. Видела только высокую дверь в зал с резными ручками в виде львиных голов.

Отец всегда говорил, что эти коридоры – гордость нашего дома. Но для меня они стали тюремными проходами. Столько раз я бегала здесь, прячась от учителей, столько раз расшибала себе колени. Теперь я шла по этим камням с одной мыслью: они увидят танец, но не увидят меня. Никто не увидит меня.

Я остановилась возле двери. Где-то внутри зазвучал неф. Прислуга открыла створки, и я шагнула в тусклый свет свечей. Я не стала разглядывать присутствующих, сразу ринулась в ритм танца.

Тело двигалось само, подчиняясь древнему ритму. Но чем дольше я поддавалась музыке, тем сильнее меня окутывала ярость. Я танцевала свою боль, свою свободу, которую у меня отняли. Изгибалась, трясла бедрами, каждое движение было вызовом. Мои руки скользили по животу, по бедрам, поднимались к волосам. Я кружилась, юбка разлеталась, открывая ноги.

А потом я прыгнула на низкий столик. Маневрируя между блюдами, я подошла к парню напротив. Остановилась прямо перед ним и начала танцевать.

Я трясла бедрами прямо у его лица, изгибалась, наклонялась, бросала ему вызов. Я хотела, чтобы он запомнил этот танец. Хотела, чтобы увидел мою ярость, мою ненависть к этой клетке, мою тоску.

Когда музыка стихла, я опустила глаза на него. Он смотрел на меня с таким довольством, с таким хищным взглядом, что у меня пошатнулись колени. Он словно видел меня насквозь.

- Спасибо, дочка, - проговорил отец, даже не глядя в мою сторону, увлеченный диалогом со вторым гостем.

Я отдернула взгляд, спрыгнула со стола и со всех ног устремила в темноту, откуда пришла. Сердце колотилось, отдавая пульсом в ушах. Почему он смотрел так, будто хотел не просто увидеть танец, а забрать мою душу?

Глава 3

Чон

Она исчезла быстрее, чем я успел моргнуть.

Только что стояла на столе, изгибалась так, что у меня перехватило дыхание, а в легких закончился воздух. Она была как огонь – опасный, завораживающий, обжигающий. А потом музыка стихла. Она прыгнула со стола, а я остался сидеть с открытым ртом, как идиот, наблюдая, как темно-синий шелк исчезает в глубине коридора.

Где-то рядом хлопнул эмир, заговорил о чем-то своем. А я все еще смотрел туда, где только что была она.

- Чон.

Чья-то рука дернула меня за плечо. Я моргнул и повернул голову.

- Чон, ты оглох?! – Джин наклонился к моему уху, его голос стал резким и тихим одновременно. – Ты как зомби. Рот закрой, муха залетит. И не смотри в глаза девушкам. Нельзя. Ты забыл, что мы на Востоке?

- Что? – выдохнул я, пытаюсь собрать мысли в кучу.

- Во-первых, ты должен был хлопать, как все нормальные люди, а ты сидел и пялился на нее, как будто увидел пришельца. Во-вторых, нельзя так смотреть на дочь эмира. Ты хочешь, чтобы на завтра нашли в пустыне? – Джин говорил быстро, но в глазах у него прыгали смешинки. – Хотя, сложно было не смотреть. Она была...

- Заткнись, - прохрипел я, отодвигаясь.

Я схватил бокал с водой и сделал большой глоток. Вода оказалась теплой, но хотя бы помогла проглотить ком в горле. Сердце все еще колотилось где-то в гортани. Я провел ладонью по лицу, пытаюсь стереть наваждение.

Как быстро убежала...

Не успел сказать ни слова. А должен был? Когда она танцевала передо мной, я перестал быть рекламным агентом. Перестал быть Чон Гуком, который продает иллюзии за деньги. Я был просто мужчиной, который смотрел на женщину и забыл, как дышать.

- Чон, - Джин снова дернул меня за рукав, возвращая в реальность. – Эмир к тебе обращается.

Я поднял голову. Эмир Фарид смотрел на меня с легкой усмешкой, которая, казалось, говорила: «Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, но не смей даже думать об этом».

- Чон Гук, - произнес он медленно, смакуя мое имя, как дорогое вино. – Как вам наш маленький вечер? Надеюсь, танец моей дочери оставил приятное впечатление?

Я сглотнул.

- Ваша дочь – невероятная танцовщица, - сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Я никогда не видел ничего подобного.

На самом деле я хотел сказать: «Она чуть не убила меня своим взглядом, и я готов смотреть на нее вечно».

Эмир кивнул, принимая комплимент как должное.

- Лейла – мое сокровище, - сказал он стальным тоном. – Она очень талантлива. Но, как вы понимаете, скромна. Не любит внимания.

Она не любит внимания? Я чуть не рассмеялся. Танцуя так, будто хотела испепелить все здание, скромной сложно было ее назвать.

- Понимаю, - ответил я, опуская глаза в тарелку, чтобы не выдать себя. – Каждая семья имеет свои традиции.

- Именно, - эмир поднял свой бокал. – Завтра утром мы обсудим деловую часть вашего визита. Дом, переезд, условия. А сегодня просто наслаждайтесь вечером, молодые люди.

Он развернулся к музыкантам, и я выдохнул. Рядом Джин хрустел лепешкой и делал вид, что ничего не произошло.

Похмелье не отпускало. Голова гудела, а перед глазами все еще плясали темно-синие искры.

- Прошу прощения, - я поднялся и поклонился эмиру. – Не подскажете, где у вас уборная?

Эмир Фарид смерил меня коротким взглядом, кивнул и щелкнул пальцами. К нему тут же подбежала женщина в темном платье – пожилая, с сединой в черных волосах и цепкими глазами.

- Надия, проводи гостя, - сказал эмир, и она молча кивнула, жестом приглашая меня следовать за ней.

Я шагнул в коридор, оставляя за спиной свет свечей, гул голосов и любопытный взгляд Джина. Женщина шла впереди, не оборачиваясь. Я заметил, как слуги расступались перед ней, видимо, она здесь не просто прислуга.

- Вот, - она указала на резную дверь.

- Благодарю, - кивнул я и вошел.

Маленькое помещение было выложено голубым мрамором. Я повернул кран, подставил лицо под ледяную воду. Она обожгла кожу, и я зашипел, но в голове прояснилось. Умылся, провел мокрыми руками по волосам, посмотрел в зеркало. На меня смотрел парень с темными кругами под глазами и странным огнем внутри. Я не узнавал себя. Взгляд был слишком живым, точно я уже опустошил графин с вином.

Вытер лицо полотенцем и вышел. Но в тот же миг в меня кто-то влетел. С разбегу, как птица, которая не рассчитала поворот. Я инстинктивно схватил ее за плечи, чтобы удержать от падения. Теплые, хрупкие плечи под шелком. И я узнал ее. Лейла.

Она подняла на меня испуганные глаза. Глаза, которые всего несколько минут назад прожигали меня насквозь. Сейчас они были широко распахнуты, зрачки дрожали. Она была без вуали. Лицо открытое, бледное, с легким румянцем на скулах.

Девушка дернулась, попыталась оббежать меня, прижаться к стене и проскользнуть мимо. Но я шагнул в сторону, загораживая ей проход.

- Я напугал тебя? – спросил я тихо, стараясь, чтобы голос звучал мягко.

Она снова подняла взгляд. На мгновение мне показалось, что она сейчас бросится бежать. Но вместо этого Лейла замерла, а в ее глазах мелькнуло любопытство.

- Я не хотел тебя напугать, - сказал я медленно. – Просто твой танец... Никогда не видел ничего подобного.

Ее губы дрогнули. Тонкая, почти незаметная улыбка тронула уголки рта. Она смотрела на меня со смесью удивления и легкой насмешки.

И тут на меня налетела та самая пожилая женщина, которая провожала меня. В руках у нее была метелка. Она с силой опустила ее мне на плечо.

- А ну кыш от нее! – закричала она, замахиваясь снова.

- Да я же не... - начал я, выставляя руки вперед.

- Как ты посмел с ней заговорить! Еще и наедине! – женщина колотила меня по плечам, по спине, не давая слова вставить.

- Да хватит меня бить! – взмолился я, отбиваясь от метелки, как от дикого зверя.

Я покосился на Лейлу. Она стояла в стороне и слегка хихикала. Прикрывала рот ладошкой, но глаза смеялись. И в этот миг она была не неприступной дочерью эмира, а просто девчонкой, которую развеселила глупая сцена.

А потом она резко развернулась и рванула по коридору. Шелк взметнулся, волосы рассыпались по спине. Я проводил ее взглядом до последней двери, которая с тихим стуком захлопнулась за ней.

Женщина перестала меня бить, лишь тяжело дышала, опираясь на метелку.

- Если я еще раз увижу тебя рядом с ней, - прошипела она, - я скажу эмиру, что ты приставал к его дочери. И тебя вышвырнут из города. Понял?

- Понял, - выдохнул я, потирая плечо. – Честное слово, у меня и в мыслях не было обидеть ее.

- Молчи, - отрезала женщина. – И иди к мужчинам. Там твое место.

Я открыл рот, чтобы возразить, но она уже шагнула за Лейлой, захлопнув за собой дверь.

В коридоре повисла тишина, нарушаемая только моим тяжелым дыханием. Отряхнул пиджак от пыли. Голова все еще гудела, но теперь по другой причине.

Лейла...

Я повернулся и пошел обратно в зал. Джин, увидев меня, поднял бровь:

- Ты чего такой помятый?

- Джин, - сказал я, садясь на место. – Заткнись и просто ешь.

Я посмотрел в сторону коридора, откуда пришел. Где-то там, за резными дверями, была она. И я знал, что увижу ее снова. Даже если для этого придется нарушить все правила.

Глава 4

Лейла

Я влетела в комнату, как ураган. Ноги сами несли меня, сердце колотилось где-то в горле, а внутри все странно пело. Я кружилась. Схватила за спинку стула, оттолкнулась и завертелась по комнате, раскинув руки, как в детстве. Юбка бедла взметнулась вокруг меня темно-синим облаком, золотые нити сверкнули, монеты на поясе зазвенели.

- Лейла! – дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвалась Надия. – Как ты смеешь! Что ты себе позволяешь! Я же велела тебе идти сразу в комнату, а ты?! Ты выскочила к нему! Сама! К чужаку!

Я прыгнула на кровать, пружины скрипнули подо мной, и я перекатилась на спину, глядя в потолок. Улыбка не сходила с моего лица.

- Лейла! – Надия топнула ногой. – Ты слышишь меня вообще?! Ты понимаешь, что твой отец...

- Он понял, Надия! – перебила я ее. Села на кровати, поджав под себя ноги. – Он не хлопал, как все. Он не улыбался фальшиво. Он смотрел на меня так, будто видел настоящую меня.

Я спрыгнула с кровати и снова закружилась по комнате. Надия стояла, не двигаясь, а ее глаза становились все шире.

- Лейла, остановись, - сказала она тихо. – Ты не понимаешь, что делаешь.

- Я ничего не делаю! – я остановилась, повернулась к ней и развела руками. – Я просто... я впервые почувствовала, что кто-то видит меня не как «дочь эмира, не как «танцовщицу для гостей! А как Лейлу. Просто Лейлу.

Надия подошла ко мне и схватила за плечи. Ее руки были теплыми, но крепкими.

- Послушай меня, девочка, - сказала она, заглядывая мне в глаза. – Этот мужчина – иностранец. Он здесь по делам твоего отца. Он уедет. Через два дня, через неделю, но он уедет. А ты останешься здесь. И твой отец... если он узнает, что ты говорила с ним наедине, что ты улыбалась ему, что ты думаешь о нем сейчас – он запрет тебя в комнате до твоей свадьбы. Слышишь?

Я сбросила ее руки с плеч.

- Мне все равно, - сказала я, но голос дрогнул. – Я хочу запомнить этот вечер. Хочу запомнить, как он смотрел на меня. Надия, когда она загородил мне проход в коридоре, он... он не трогал меня. Он просто стоял и смотрел. И спросил: «Я напугал тебя?» Он боялся напугать меня! Понимаешь?

Надия тяжело вздохнула, провела рукой по своему лицу и покачала головой.

- Ты влюбилась, - сказала она, и в голосе ее звучала не злость, а боль. – Ты влюбилась в незнакомца за одну минуту. Дочка, это опасно. Это очень опасно.

Я ничего не ответила. Подошла к окну и отодвинула тяжелую портьеру. Ночь опустилась на сад, луна висела над пальмами, а ветер доносил запах роз.

- Я не знаю, что это, - практически прошептала я. – Может быть, просто танец. Может быть, просто взгляд. Но я хочу еще раз его увидеть. Надия, помоги мне.

- Я не буду тебе помогать, - отрезала она. – Ты обезумела.

Я обернулась к ней и улыбнулась той самой улыбкой, которая всегда срабатывала, когда я была маленькой и хотела выпросить у нее сладостей.

- Ты мне поможешь, - сказала я мягко. – Потому что ты любишь меня. И потому что знаешь, как я устала быть в этой клетке.

Она молчала. Долго молчала. А потом вздохнула, подошла и сняла с меня пояс с монетами, не глядя в глаза.

- Завтра они будут обсуждать переезд твоего отца, - сказала она глухо. – В библиотеке. После завтрака. Единственное, что я могу сделать – это сказать тебе, когда они закончат. И где он может быть один. Все. Больше ни шагу.

Я обняла ее так крепко, что она ойкнула.

- Ты лучшая, - прошептала я.

- Я глупая, - поправила она. – Я глупая старая женщина, которая потекает своей девочке. Но если твой отец узнает...

- Он не узнает, - я отстранилась и заглянула ей в глаза. – Никто не узнает.

Чон

Мы вышли из дворца под звездное небо. Жара спала, но воздух все еще был слишком густым и сухим. Лимузин уже ждал у ворот, водитель открыл дверь, и я рухнул на кожаное сиденье, расстегнув пиджак и ослабив галстук.

Джин плюхнулся рядом и сразу же уставился в телефон, но я знал – долго он не выдержит.

Я закрыл глаза, но перед ними не темнота. Она. Ее глаза. Ее танец. Как она кружилась на столе, как ее бедра двигались в ритме музыки, как монеты на поясе звенели при каждом шаге. И эта улыбка. Короткая, едва заметная.

Она была одновременно огнем и водой. Ярость и невинность. В ней было что-то детское, когда она врезалась в меня, испуганная, а потом хихикнула, когда та женщина колотила меня метелкой. Такая... настоящая.

- Ну что, - Джин оторвался от телефона, наклонился ко мне. Его голос звучал как нож по стеклу. – Все еще думаешь о той девчонке?

Я не открыл глаз.

- Не начинай, Джин.

- А я и не начинаю, - он хмыкнул. – Просто интересно, как быстро ты забудешь ее формы. Стройная, а талия – ммм. И как она трясла всем этим прямо перед тобой, я аж позавидовал. Но если ты думаешь, что я не заметил твоего взгляда, ты наивнее, чем я думал.

Я открыл глаза и посмотрел на него.

- Танцевала она неплохо. Все. Точка.

- Неплохо? – Джин рассмеялся. – Да ты сидел с открытым ртом, как рыба на суше. Неплохо? Брось.

Я отвернулся к окну. За стеклом проплывали огни ночного города, пальмы, дома. Я хотел думать о работе, о контракте, о завтрашней встрече. Но в голове крутились только ее глаза.

- Она, кстати, - Джин продолжил, не унимаясь, - очень даже симпатичная. Только вот ее отец – эмир. Ты видел, как он смотрел на нее? Как на ценную вещь. Так что, чувак, даже не думай. В лучшем случае тебя просто вышлют из страны. В худшем – не найдут твое тело в пустыне. Я серьезно.

- Я и не думаю, - ответил я коротко. – Ты слишком много говоришь.

- Ага, не думаешь. Столкнулся с ней, пока в туалет ходил?

Я резко повернулся к нему.

- Откуда ты...

- Просто предположил, но твоя реакция говорит сама за себя.

- Случайно, - выдохнул я. – Она влетела в меня, когда я выходил из уборной. Все.

- Ага. Случайно. А она разве не должна была сидеть в своей комнате, а не бегать по коридорам с голым пузом?

- Она не была голой, идиот, - огрызнулся я, чувствуя, как закипаю. – На ней был костюм.

- О, уже защищаешь ее! – Джин хлопнул себя по колену. – Это быстро. Ну-ну.

Я замолчал, уставился в потолок машины. Водитель ехал молча. Единственным звуком было гудение кондиционера и шум шин по асфальту.

- Интересно, как ее зовут, - сказал задумчиво Джин, будто размышляя вслух. – Может, Зухра? Или Ясмин? Или как-то по-восточному красиво?

- Лейла, - вырвалось у меня раньше, чем я успел подумать.

Тишина. Джин медленно повернул голову и уставился на меня с таким лицом, будто я только что признался в убийстве.

- Что?

- Я сказал – Лейла, - повторил я, стараясь, чтобы голос звучал безразлично. – Эмир назвал ее имя. Когда благодарил. Ты не слышал, потому что был занят поеданием всего, что было на столе.

- Лей-ла, - протянул он по слогам. – Как красиво. И как интересно, что ты запомнил ее имя. Хотя, конечно, ты просто вежливый человек, который запоминает имена всех, кто встречается на его пути. Особенно танцовщиц с голым животом.

- Заткнись, - сказал я с нескрываемым предупреждением в голосе.

- Я так и знал! – Джин продолжал давить, наслаждаясь моментом. – Ты головой поехал?! Одно дело – полюбоваться красивым телом и милой мордашкой. Другое – продолжать думать о ней. Нет, если ты, конечно, так, чисто вспоминаешь ее тело, чтобы пережить эту ночь в одиночестве – я пойму, я мужик.

- Ты дурак? – я выпрямился и посмотрел ему прямо в глаза. – Она – дочь эмира. Я – рекламный агент, который здесь на три дня. Какие, к черту, чувства? Это просто... просто танец.

- Просто танец, - передразнил меня Джин. – И ты повторишь это, когда завтра увидишь ее снова? А ты увидишь, я знаю. Потому что ты любишь лезть в самую задницу.

Я промолчал, потому что он был прав. Я действительно собирался ее увидеть.

- Это ты дурак, - сказал Джин, но уже без насмешки. – Ты дурак, Чон. Мы здесь по работе. Мы должны подобрать дом, получить деньги и уехать. А ты засматриваешь на дочку эмира. На запретную девушку, которую нельзя трогать, на которую нельзя смотреть. Ты вообще понимаешь, чем это пахнет? Тюрьмой. Или смертью.

- Я не засматриваюсь, - выдавил я.

Но в глубине души я знал – это ложь. Ее имя висело на языке как мед и яд одновременно.

Глава 5

Чон

Мы приехали во дворец ровно в десять. Нас проводили в библиотеку – огромный зал с высокими стеллажами, кожаными креслами и западным окном, через которое лился утренний свет. Воздух пах старыми книгами, кожей и легким ладаном.

Эмир Фарид уже ждал нас. Он сидел за большим дубовым столом, перед ним лежали карты и бумаги. Он приветливо улыбался, как и вчера.

- Молодые люди, - произнес он, жестом приглашая нас сесть. – Я надеюсь, что вы не передумали. Давайте перейдем к делу.

Я сел напротив него, положил на стол свой планшет и открыл презентацию.

- Ваше высочество, - уверенно начал я. – Я проанализировал ваши пожелания и подобрал три варианта. Первый – вилла на побережье. Четыре спальни, бассейн, собственный пляж. Отличное место для отдыха от дел. Второй – пентхаус в центре города, вид на старый рынок и мечеть. Для тех, кто хочет быть ближе к жизни города. И третий – загородный дом в оазисе, в часе езды от столицы. Полная изоляция, пальмы, сад и полная приватность.

Я переключал слайды, показывал фото, планы, технические детали. Говорил четко, без лишних слов. Видел, что эмир слушает внимательно, задает вопросы, кивает.

- Какой вариант предпочтительнее для вас? – спросил я, закончив.

Эмир задумался, постучал пальцами по столу. Джин сидел рядом, молчал и не лез. Все шло идеально.

- Покажите второй вариант еще раз, - сказал эмир наконец.

Я переключил на пентхаус и начал рассказывать об инфраструктуре, о безопасности, о видах. Говорил с жаром, увлекаясь, как на лучших презентациях в своей жизни.

Я забыл о том, что вчерашняя танцовщица где-то здесь, в этом дворце. Я погрузился в работу так глубоко, что даже Джин удивленно поднял бровь, когда я ответил на сложный вопрос эмира о системах кондиционирования с цифрами и техническими характеристиками.

- Впечатляюще, - сказал эмир, когда я закончил. – Вы настоящий профессионал, Чон Гук.

- Благодарю, - ответил я с легким поклоном. – Моя задача – найти вам лучший вариант.

- Тогда остановимся на пентхаусе, - решил эмир. – Но я хочу, чтобы вы посмотрели его лично сегодня. Проверили все, о чем говорили. Мои люди отвезут вас.

- Без проблем, - кивнул я.

Мы начали обсуждать детали – сроки, цену, документы. Я говорил, считал, уточнял. Джин записывал. Работа кипела. И я был счастлив. Нет, не счастлив. Я был занят. А занятость – это лучшее лекарство от наваждения.

Эмир подписал бумаги, и я поднялся, чтобы попрощаться до вечера, когда за большим окном мелькнула тень. Я не хотел смотреть. Я запретил себе смотреть. Но глаза предали меня.

Яркий свет утра лился в сад, и в нем – силуэт в легком белом платье, который на секунду показался между пальм. Он был похож на видение. На мираж. И я знал, кто это.

- Чон Гук? – голос эмира вернул меня в реальность. – Все в порядке?

Я перевел взгляд на него. Все та же вежливая улыбка. Ничего не изменилось.

- Да, конечно. Прошу прощения, задумался о деталях.

- Не отвлекайтесь, - усмехнулся эмир, но в его глазах что-то блеснуло. – Мне нужно, чтобы сегодня к вечеру был готов окончательный план. Вы справитесь?

- Безусловно, - сказал я.

Мы вышли с Джином из библиотеки. Шаги гулко отдавались по мраморному полу, и я чувствовал, как внутри все колотится. От азарта. От острого, как лезвие, чувства, что я играю с огнем, и это чертовски приятно. Она – запретный плод. Дочь эмира, которую нельзя трогать, на

которую нельзя смотреть. И именно поэтому я хочу ее. Не как принц из сказки. Как мужчину, который привык брать то, что ему не дают.

- Прикрой, - бросил я, сворачивая к приоткрытой двери на веранду.

- Чего?! – Джин не успел схватить меня за рукав. Я уже нырнул в щель.

Выскочил на веранду, перепрыгнул через ограждение, не думая о том, что будет, если меня заметят. Кусты хлестнули по лицу, я приземлился на газон, даже не пошатнувшись. Все это было похоже на игру. На рискованный квест, где на кону – не деньги, не контракт, что-то гораздо более острое.

- Гук! – донесся шепот Джина. Я обернулся – его лицо было перекошено от ужаса. – Ты сдурел?! Ты куда?!

Я ухмыльнулся и приложил палец к губам. Потом скрылся за кустами жасмина, чувствуя, как адреналин разгоняет кровь. Вышел к фонтану. Она стояла у воды, в белом платье, волосы на ветру. Смотрела на воду, задумчивая, и не замечала меня. Я замер на мгновение, просто рассматривая ее. Красивая. Да, чертовски красивая.

Она повернулась. Увидела меня. В ее глазах сверкнуло удивление и искорка, которая мне понравилась.

- Ты, - сказала она тихо. – Как ты... Здесь нельзя.

- Знаю, - я шагнул ближе, не скрывая улыбки. – Но, видишь ли, я плохо слушаюсь правил. Особенно когда дело идет такой красивой женщины, которая так смотрела на меня вчера.

- Ты рискуешь, - произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал строго. – Мой отец...

- Риск – единственное, что делает жизнь интереснее.

Она шагнула ко мне ближе. Я видел, как дрогнули ее ресницы.

- И что ты хочешь? – она не отводила взгляда. И это мне тоже нравилось – она не из робких.

- Я хочу узнать тебя, - ответил я прямо. – Без сцены, без отца, без правил. Просто ты и я. Но до тех пор, пока ты сама не скажешь мне, что хочешь того же – я буду здесь, на границе твоего сада. А если скажешь – я уйду.

Я видел ее глаза. В них боролись осторожность и желание. Она хотела сказать «да», но боялась. И это было чертовски притягательно.

А потом мы услышали топот. Грубые голоса, звон оружия, гравий под сапогами. Она побледнела.

- Смена поста... Стражи отца.

Я не думал. Просто схватил ее за талию, прижав к себе, и дернул за широкий ствол дерева. Прижал спиной к стволу, закрывая собой. Мои ладони сомкнулись на ее талии, и я почувствовал, что она помещается в них почти целиком. Тонкая, как тростинка, горячая, живая. Я ощутил запах ее волос, биение пульса – и это было опасно приятно.

Стражи прошли мимо. Я выглянул, прижимая ее к себе, чувствуя, как мои пальцы впиваются в ткань ее платья. Они прошли, не заметив нас.

Я перевел дыхание и взглянул на нее. Она не дышала. Совсем. Ее глаза были широко открыты, испуганные, застывшие. Я понял, что она задержала дыхание от страха и оттого, что я прижимал ее слишком тесно.

- Дыши, - прошептал я ей в ухо. – Они ушли.

Она выдохнула, и этот выдох дрогнул. Тут я понял, что мои руки все еще лежат на ее талии. Я резко отдернул их, подняв вверх, как сдавшийся преступник.

- Прости... - выдохнул я, впервые за долгое время не найдя слов, чтобы сострить. – Я не хотел. Просто... безопасность.

Она смотрела на меня. Ее грудь вздымалась от тяжелых вздохов. Она пыталась отдышаться, успокоиться, а я стоял, не в силах пошевелиться. Не потому что боялся стражи. А

потому что, черт возьми, она была так близко, и в ней было столько жизни, что я забыл, зачем пришел.

- Ты спас меня, - прошептала она наконец.

- Или подверг опасности, - усмехнулся я, хотя внутри все дрожало от напряжения. –
Смотря как посмотреть.

Она медленно выдохнула, и в глазах появилась та самая улыбка – полуиспуганная, полужадная.

- Я хочу этого, - сказала она тихо. – Я хочу увидеть тебя снова. Сегодня вечером. Сад у старого фонтана. После заката.

Я коротко кивнул и ушел, раздвигая кусты, чувствуя, как адреналин пульсирует в висках. За спиной – она, запретная. Впереди – ночь, полная опасности и удовольствия.

Когда я выскочил на веранду, Джин стоял бледный, с трясущимися губами.

- Ты что... - начал он.

- Заткнись, Джин, - я хлопнул его по плечу и улыбнулся. – Мы еще не видели тот пентхаус. Давай работать.

- Ты ненормальный, - простонал он.

- Возможно, - я поправил галстук. – Но этот вечер обещает быть незабываемым.

Глава 6

Лейла

Перед ужином я чуть не разнесла свою комнату. Душа пела, тело хотело танцевать. Этот день был похож на сказку, которую, казалось, не сможет разрушить ни один человек на всей планете.

- Нет! – крикнула я, отбрасывая золотое платье в сторону. – Слишком вызывающе. Хотя... - я замерла и посмотрела на него, брошенное на кровати.

Надия тяжело вздохнула, собирая вещи по комнате.

- Лейла, ты перебираешь вещи уже час. Эмир ждет.

- Пусть ждет! – я крутанулась перед зеркалом в очередном наряде и остановилась. Бархатный, бордовый, с глубоким вырезом на спине и длинными рукавами, которые мягко облегали кожу. Ничего вызывающего спереди и невероятно женственно сзади. Идеально. – Этот. Точно этот.

Я прикрыла глаза, и воспоминание нахлынуло с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Его крепкие ладони. Они сомкнулись на моей талии, и я ощутила прикосновение пальцев через тонкую ткань платья. Он прижал меня к себе, пряча за деревом, и я чувствовала его грудь, его дыхание у виска. Я перестала дышать не от страха перед стражей. Я перестала дышать, потому что его касания обжигали кожу, проникая в кровь, заставляя забыть обо всем на свете.

Я открыла глаза. В зеркале отражалась девушка с горящими щеками и блестящими глазами.

- Что с тобой? – подозрительно спросила Надия. – Ты вся красная. Не больна?

- Я влюблена! – выпалила я, кружась по комнате, не в силах сдержать счастья. – Я его увижу! Сегодня! На ужине! Он будет сидеть напротив меня, и я буду смотреть на него, а он на меня...

Надия схватила меня за плечи и притянула к себе.

- Тише ты, ненормальная! – прошипела она. – Твой отец за столом! Сядешь, будешь есть и не смотреть на него. Вообще. Ни разу. Поняла?

Я отстранилась и рассмеялась.

- Но он будет смотреть на меня. Я знаю.

Я еще раз посмотрелась в зеркало. Бордовое платье подчеркивало смуглую кожу, волосы я оставила распущенными, лишь у виска закрепила маленькую жемчужную заколку, которую мама подарила меня на десятый день рождения. Я хотела быть красивой. Для него.

Выбежала из комнаты, оставив Надию с открытым ртом. Шаги эхом отдавались по мраморному полу, но я не бежала – я летела. Коридоры дворца, которые казались мне тюремными клетками, сегодня превратились в дорогу к приключениям.

Я подошла к дверям обеденного зала. За ними слышались голоса, звон посуды, смех. Я глубоко вздохнула, поправила платье и шагнула внутрь.

Он сидел слева от отца. Джин рядом с ним. Увидев меня, отец кивнул, не прерывая разговора. Я сделала реверанс и направилась к своему месту – напротив Чон Гука. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, но я заставила себя опустить глаза и сесть с королевским достоинством.

- Лейла, - голос отца прозвучал холодно, - ты опоздала.

- Прошу прощения, отец, - ответила я ровно. – Я выбирала платье.

Я украдкой подняла глаза на Чон Гука. Он смотрел на меня. Спокойно, с легкой улыбкой, но в его глазах горел тот самый огонь, от которого у меня подкашивались колени. Наши взгляды встретились, и я почувствовала, как его руки снова касаются моей талии.

Я опустила глаза в тарелку, но улыбка сама ползла на губы.

Я увижу его после ужина, - билось в голове. – В саду. У старого фонтана. Никто не узнает.

Взяла вилку и с трудом заставила себя есть, чувствуя, как его взгляд прожигает во мне дыру. Кожа все еще горела там, где он касался меня.

Эмир откинулся на спинку стула, его голос обрушился на меня как ледяной душ.

- Нет... Нужен все же вариант, чтобы внукам было комфортно, - он задумчиво постучал пальцем по столу. – Площадки, парки, безопасность. Чтобы дети могли бегать.

Я застыла с поднесенным ко рту кусочком мяса. Внуки?

Чон Гук, казалось, не заметил моей реакции – он уже открыл планшет, начиная что-то искать.

- Конечно, я могу предложить варианты с частными садами и закрытыми игровыми зонами, - говорил он деловито. – Например, вилла в пригороде, о которой я упоминал...

- Внукам? – я перебила его, поперхнувшись воздухом. Голос прозвучал так пронзительно, что даже Джин вздрогнул и поднял голову от тарелки.

Эмир смерил меня холодным взглядом.

Чон Гук удивленно посмотрел на меня, потом на эмира, и его брови поползли вверх. Он явно понял, что сейчас произойдет что-то из ряда вон выходящее.

- Этот дом будет моим подарком на твою свадьбу, - произнес отец с таким спокойствием, будто объявлял о погоде за окном. – В конце концов, моя дочь должна жить в достойных условиях.

- Свадьбу?.. – я выдохнула так тихо, что сама себя едва услышала. А потом резко встала, стул отъехал с противным скрипом по мрамору. – Какую свадьбу?!

В зале наступила оглушительная тишина. Слуги застыли с подносами в руках. Джин перестал жевать и смотрел на меня с ужасом. Чон Гук медленно закрыл планшет, его лицо ничего не выражало, но я видела, как напряглись его плечи.

- Завтра придет сын шейха Мансура, - спокойно ответил отец, будто объявлял простую истину. – Астрон. Помнишь его? Вы играли вместе, когда были детьми. Он вырос, стал достойным мужчиной. Мы договорились о помолвке два года назад. Я разве не говорил?

- Я не знала! – выкрикнула я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. – Ты ничего мне не говорил! Два года?! Ты два года молчал, а теперь просто ставишь меня перед фактом?!

- Лейла, - голос отца понизился до опасного шепота. – Сядь.

- Нет! – я отступила на шаг. В груди все кипело, руки тряслись, и я впервые в жизни чувствовала, что могу ударить отца. – Не выйду за него! Я не видела его десять лет! Он мне никто!

- Ты выйдешь за него, потому что я так решил, - отчеканил эмир. – Это не обсуждается. Ты моя дочь, и ты сделаешь то, что положено.

- Я не вещь! – я отскочила от стула, чуть не опрокинув графин с водой. – И если он придет, пусть ищет меня по всему дворцу, но не найдет! Потому что меня здесь не будет!

- Лейла! – рявкнул отец, но я уже развернулась и побежала.

Я бежала по коридорам, не разбирая дороги. Слезы душили меня, но я заставляла себя не плакать. Я слышала за спиной топот слуг, голос отца, но все это было где-то далеко. Влетела в свою комнату, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, тяжело дыша.

Сердце колотилось, как птица в клетке.

«Свадьба. Завтра. Астрон. Подарок эмира».

Я сползла по двери и закрыла лицо руками. И тут же, как удар током, вспомнила его. Чон Гук. Его лицо в тот момент, когда я выбегала из зала. Он смотрел на меня так, будто хотел броситься за мной, но не мог. Слишком опасно. Слишком много глаз.

Я подняла голову и посмотрела в темное окно. За ним – сад. А завтра придет Астрон – чужой, незнакомый мужчина, за которого меня хотят выдать.

- Нет, - прошептала я в пустоту. – Только через мой труп.

Я подошла к окну и выглянула. Там в сумерках, уже зажигались огни. Фонтан оставался во тьме, возле которого мы должны встретиться сегодня. Я буду ждать. Я должна сказать ему все. Потому что завтра может быть поздно.

Глава 7

Лейла

Я спустилась в сад, когда луна уже поднялась высоко. Ночной воздух был прохладным, полным запаха роз и влажной земли. Я шла к старому фонтану, стараясь ступать бесшумно, чтобы не привлекать внимания стражников. Внутри все трепетало от волнения и страха. Он будет там. Он обещал.

Фонтан журчал в тишине, вода переливалась в лунном свете. Я остановилась у края, оглядываясь. Никого. Только тени деревьев и тишина.

Я ждала. Минуты тянулись как часы. Я прислушивалась к каждому шороху, к каждому звуку ветра. Где-то вдалеке залаяла собака, и я вздрогнула. Сердце колотилось, но я заставила себя верить: он придет. Он же сказал, что будет.

Прошел час. Я начинала замерзать в легком платье, обхватила плечи руками и села на край фонтана. Вода журчала, в ее шуме мне слышался голос отца: «Ты выйдешь за него, потому что я так решил».

Я сжала зубы. Нет. Ни за что.

Второй час. Луна поднялась выше, и сад стал серебряным. Я встала и прошла по дорожке, всматриваясь в темноту. Может, он задержался? Может, его не отпускал друг? Или отец притормозил его своим звонком... нет, отец ушел спать, я видела, как погас свет в его комнате.

Я вернулась к фонтану и села. Ждать. Ждать, сколько нужно. Он вернется, просто ждет, когда стража уйдет с поста. Он не мог просто так уехать. Не после того, как обнимал меня, не после того, как смотрел в мои глаза и говорил, что хочет меня.

Но шли часы, и луна начала белеть. Где-то за дворцом запели первые птицы. Небо на востоке стало розоветь. Вода в фонтане стала ледяной, и я дрожала от холода, но не двигалась.

Я просидела до рассвета. Когда первые лучи солнца коснулись верхушек деревьев, я поняла: он не придет.

Я медленно поднялась, чувствуя, как затекли ноги и онемела спина. Глаза горели от бессонных слез, но я не плакала. Внутри разрасталась глухая, тягучая боль, которая смешивалась с обидой и злостью.

- Дура, - прошептала я в пустоту. – Какая же я дура. Поверила незнакомцу. Влюбилась в человека, который просто играл со мной.

Я развернулась и пошла к дворцу, оставляя за спиной старый фонтан, ночную тишину и разбитые надежды.

Навстречу мне вышла Надия. Она стояла на пороге, скрестив руки на груди, и молча смотрела на меня.

- Ты вся мокрая и бледная, - сказала она без осуждения, только с усталостью. – Иди в комнату. Я принесу чай.

- Он не пришел, - сказала я тихо.

Надия подошла и обняла меня, прижимая к своей груди. Я почувствовала тепло и запах ее духов, и это было единственное, что удерживало меня от того, чтобы не разрыдаться прямо здесь.

- Девочка моя, - прошептала она. – Забудь его. Такие мужчины не для нас. Он просто иностранец, который приехал по делам. Ты для него – приключение. Не больше.

Я не ответила. Просто смотрела на розовеющее небо и чувствовала, как внутри что-то умирает.

А в голове звучал только один вопрос: «Почему?»

Чон

Несколькими часами ранее

Машина выкатилась за ворота дворца, и я откинулся на сиденье, прикрыв глаза. В голове все еще кружился бардовый силуэт. Она вскочила из-за стола, кричала на отца, а потом побежала. А потом я сидел и слушал, как эмир извиняется за поведение дочери, как обсуждает бумаги. Все как в тумане. А внутри – адреналин, который требовал выхода.

И вот теперь мы ехали по ночному городу, а Джин молчал. Необычно для него. Обычно он трещал без умолку, но сейчас только смотрел в окно и молчал.

- Ну, - сказал я, когда тишина стала невыносимой. – Выкладывай.

- Что выкладывать? – он повернулся ко мне с таким лицом, будто я спросил его о цвете неба в полдень. – Я ничего не говорил.

- Ты молчишь. Это хуже, чем когда ты говоришь. Я знаю тебя двадцать лет.

Он вздохнул, потер переносицу и уставился на меня.

- Хорошо. Ты хочешь, чтобы я сказал? Я скажу. – Джин наклонился ближе, а его голос стал резче. – Ты сейчас собрался развернуть машину и поехать обратно, да? Прямо сейчас. Пока она сидит в саду и ждет тебя, как последняя дура.

Я промолчал, и это было хуже любого признания.

- Чон, я видел, как ты смотрел на нее, когда она выбегала. Ты готов был рвануть за ней. Ты, твою мать, готов был подорвать свою репутацию, контракт, все – ради одной девушки. – Джин покачал головой. – И я знаю, что ты сейчас думаешь: «А почему бы и нет? Я приду, утешу ее, и мы...»

- Мы что? – я усмехнулся, но усмешка вышла кривой. – Я просто хочу убедиться, что с ней все в порядке.

- В порядке?! – Джин чуть не подскочил на сиденье. – Ты ее видел?! Она узнала, что ее выдают замуж! Ты – иностранец, который крутится вокруг нее, а она, дуручка, влюбилась в тебя с первого взгляда! И ты хочешь туда сейчас? Чтобы что? Чтобы дать ей надежду? Чтобы сказать «все будет хорошо», а завтра уехать? Ты что, не понимаешь, как ей будет больно? Она же поверит тебе, Чон. Она поверит, что ты ее спасешь. А ты не спасешь. Ты просто играешь.

- Я не играю, - твердо ответил я. – Я хочу увидеть ее. Поговорить. Я не собираюсь делать ей больно.

- А что ты собираешься делать? – Джин посмотрел на меня в упор. – Заберешь ее с собой в Корею? К маме? И что ты ей скажешь: «Привет, я увез тебя от отца, от жениха, от всего, что ты знала, потому что мне понравилось, как ты танцуешь»?

Я открыл рот, и захлопнул его тут же. Потому что он был прав. Я не знал, что ей скажу. Я не знал, что делаю. Я просто хотел ее увидеть. Еще раз. Потому что ее взгляд засел у меня под кожей, и я не мог от него избавиться.

- Ты трус, - вдруг сказал Джин. – Настоящий трус, Чон. Ты боишься признаться себе, что она тебя зацепила. Что в ней есть что-то настоящее. Ты привык к продажным красоткам, к инстаграмным моделям, к тем, кто готов прыгнуть в постель после первого коктейля. А она – другая. И ты не знаешь, что с этим делать. Поэтому ты хочешь пойти к ней, посмотреть в глаза, а потом сбежать. Как всегда.

- Заткнись, - процедил я. – Ты ничего не знаешь.

- Знаю, - он усмехнулся, но усмешка вышла невеселой. – Я знаю, что ты сейчас думаешь: «А пошло оно все». Я знаю, что ты хочешь сказать водителю: «Разворачивайся». И если ты это сделаешь, я выйду из машины прямо тут. И буду ждать, пока тебя не вышвырнут или не посадят в местную тюрьму. Или пока ты не выйдешь оттуда с разбитым сердцем. Ее или своим, неважно. И потом скажешь: «Джин, я был дураком».

Я посмотрел на него. Дорога уходила в ночь, огни мигали за окном. И внутри все кричало: «Разворачивайся!»

- Я не поеду, - сказал я тихо. Слова дались тяжелее, чем я думал. – Не сейчас.

- Не сейчас, - передразнил Джин. – А когда? Когда она уже выйдет замуж и будет сидеть на веранде с детьми? Тогда ты поедешь?

Я не ответил. Сжал челюсти и уставился в окно.

- Я знаю, - вдруг сказал Джин практически шепотом. – Я знаю, что она тебе нравится. Я видел твой взгляд. Но, Чон, она не твоя. Она – дочь эмира. Завтра у нее уже будет жених. А ты – просто парень, который приехал на три дня и вскружил голову девочке. И если ты сейчас приедешь к ней, ты только сделаешь хуже.

- Мы завтра осматриваем дом, - сказал я глухим голосом. – Подписываем бумаги. И улетаем. Все. Точка.

Джин посмотрел на меня с жалостью, от которой меня замутило.

- Хорошо, - сказал он. – Если ты так решил...

Машина въехала на парковку отеля. Я вышел, не оглядываясь, и пошел к лифту. В голове стучало только одно: «Она ждет меня». Я вошел в номер, упал на кровать и уставился в потолок. И всю ночь не сомкнул глаз. Потому что знал: я предал ее. Прямо сейчас она сидит у фонтана и ждет. А я не приду. Потому что я – трус. Потому что я – рекламный агент, который боится рискнуть все ради девушки, которую почти не знаю. Но которая почему-то никак не уходила из мыслей.

Глава 8

Лейла

Я так и не смогла поспать.

Вернувшись в комнату на рассвете, я рухнула на кровать и уставилась в потолок. Тело дрожало от холода, зубы стучали, но я не чувствовала ничего, кроме пустоты внутри. Он не пришел. Машина уехала. И я сидела у фонтана, как последняя дура, и ждала человека, которому было плевать.

Где-то в глубине души теплилась надежда: может, он просто не мог прийти. Может, Джин не пустил его. Может, он сейчас лежит в отеле и думает обо мне так же, как я о нем. Но внутри уже росла холодная злость. Обида, которая жгла горло.

Он видел, как я выбежала из зала. Он слышал, что меня выдают замуж. И он даже не попытался прийти.

Я перевернулась на бок и прижала колени к груди. Глаза были сухими – я выплакала все слезы у фонтана. Осталась только пустота.

Надия зашла в комнату уже после обеда. Она несла ткань – новую, шелковистую, белоснежную, с золотой вышивкой, от которой слепило глаза. Бедла. Новый костюм для танца.

Я подняла голову и уставилась на нее. Надия положила его на стул и села рядом со мной на кровать, положив руку мне на плечо.

- Эмир просил передать, - сказала она тихо. – Астрон прибудет через два часа. Он хочет, чтобы ты встретила его в этом. Сказал, что танец будет уместен.

Я молча посмотрела на белый шелк. Золотая вышивка переливалась на солнце, и в ней я видела свое будущее – белое, чистое, благопристойное. Без меня самой. Без моих чувств. Без моих желаний.

- Он купил это специально для встречи с Астроном? – спросил я, и голос прозвучал ровно, без эмоций.

Надия замялась.

- Дочка, я знаю, что ты не хочешь...

- Я спросила, купил ли он это для встречи с Астроном? – перебила я.

- Да, - выдохнула она. – Он хотел, чтобы ты выглядела как невеста. Как дочь эмира.

Я медленно поднялась, подошла к стулу и провела пальцами по шелку. Он был холодным и гладким, как вода в фонтане. Светлый. Торжественный. Погребальный.

- Красиво, - сказала я. – Правда, красиво.

- Лейла... - начала Надия.

- Я надену его, - перебила я. – Я надену его и выйду к Астроному, улыбнусь отцу, сделаю вид, что я послушная дочь. А потом я просто исчезну.

Надия побледнела.

- Что ты хочешь этим сказать?

Я обернулась к ней. И улыбнулась – той улыбкой, от которой у нее, кажется, перехватило дыхание.

- Я не выйду за него. Даже если он станет последним мужчиной на земле. Я сбегу. Сегодня. Прямо во время ужина. Я не знаю, как я сделаю это. Но я сделаю.

- Ты с ума сошла, - прошептала Надия. – Куда ты пойдешь? У тебя нет денег, нет документов, ты нигде не была одна. Тебя поймут в первый же час.

- Пусть поймут, - я пожала плечами. – Но я хотя бы попытаюсь. А он... - я посмотрела на белый бедла и сжала пальцы в кулак. – Пусть забирает дом, который он хотел подарить внукам. Мне это не нужно.

Надия открыла рот, чтобы возразить, но я подошла к ней и села рядом. Взяла ее руку – теплую, морщинистую, единственную, которая всегда была на моей стороне.

- Надия, - сказала я тихо. – Я не прошу тебя помочь мне сбежать. Я просто прошу... не мешать. И не говорить отцу.

Она смотрела на меня долго, а потом отвела глаза и кивнула.

- Я ничего не скажу, - прошептала она. – Но я боюсь за тебя, девочка.

Я улыбнулась и обняла ее.

- Все будет хорошо, - сказала я, хотя сама не верила в это.

Я встала, подошла к бедла и начала медленно натягивать его на себя. Шелк скользнул по телу, облекая талию и грудь, оставляя живот открытым. Золотая вышивка засверкала на солнце, я выглядела в зеркале как настоящая принцесса. Идеальная дочь. Идеальная невеста. Но глаза не обуздать, в них был бунт.

Я провела рукой по золотым нитям и тихо сказала, обращаясь к своему отражению:

- Я станцую для тебя, Астрон. Но это будет мой последний танец.

Весь дом благоухал цветами. Белые розы, жасмин, орхидеи – они вились по колоннам, стояли в высоких вазах, от которых кружилась голова. Отец явно постарался. Хотел произвести впечатление на Астрона. Хотел показать, какая у него идеальная дочь в идеальном доме, готовая стать его идеальной женой.

Я шла по коридору, и каждый шаг отдавался этим в пустоте. Полна решимости покончить с этим. С этим фарсом. С этим спектаклем. Я сжала пальцы в кулак и заставила себя дышать ровно.

Один танец. Один взгляд. И я уйду.

Я вошла в зал. Там, на низких подушках, сидел мой отец. Рядом с ним – он. Астрон. Я не видела его десять лет, с тех пор как мы играли в саду под присмотром няnek. Тогда он был тощим мальчишкой с острыми локтями и вечно разбитыми коленками. Теперь – молодой мужчина. Широкие плечи, дорогой костюм, уверенная улыбка. Он смотрел на меня так, будто я была трофеем, который он уже выиграл. Жадно, собственнически. Как на вещь, которую можно купить.

Я не отвела взгляд. Смотрела на него в упор, и в моих глазах не было ни робости, ни смущения. Только вызов.

Отец кивнул мне, приглашая начать. Я шагнула в центр зала, где горели свечи и играла музыка. Неф запел, и я закрыла глаза на мгновение, позволяя музыке войти в меня. Я начала двигаться. Быстро. Резко. Дерзко. Мое тело изгибалось, бедра тряслись с вызовом, руки летали в воздухе, пальцы сжимались в кулак. Я кружилась, и белый шелк с золотом вспыхивал в свете свечей. Бросала им свои движения, как ножи. Я танцевала не для того, чтобы понравиться. Я танцевала, чтобы показать: меня не сломать. Вы не можете меня купить, не можете заставить, не можете запереть.

Я подошла к столу и, не прерывая танец, запрыгнула на него. Блюда звякнули, фрукты посыпались на пол, свечи качнулись, отбрасывая дикие тени на лица. Я танцевала на столе, прямо перед Астроном. Он сидел в кресле, смотрел на меня, и в его глазах я видела смесь удивления и раздражения. Он не знал, как реагировать. Он привык к послушным девицам, которые опускают глаза. А я смотрела на него сверху вниз, и мои глаза горели огнем.

Я изгибалась, трясла бедрами, бросала руки в сторону отца, как будто кричала ему: «Смотри, что ты создал! Смотри, кого хочешь отдать!»

Астрон попытался улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. Отец сидел с каменным лицом. Он понял. Все поняли. Этот танец был бунтом. Открытым, дерзким, агрессивным.

Музыка стихла, я спрыгнула со стола и застыла, тяжело дыша. Грудь вздымалась под белым шелком, на лбу выступила испарина, но я стояла прямо, не опуская головы.

В зале повисла тишина. Астрон медленно поднялся и стал аплодировать – медленно, с насмешкой.

- Впечатляющий танец, - сказал он низким, почти опасным голосом. – Не ожидал такой страсти от будущей жены.

Отец кашлянул, но я смотрела только на Астрона. Улыбнулась мягкой, кокетливой, почти невинной улыбкой и подошла ближе. Мои пальцы коснулись его плеча, скользнув по дорогой ткани пиджака.

- Астрон, - я произнесла его имя с легкой томностью, - ты совсем не изменился. Все такой же красивый. Помнишь, как мы бегали по саду, и ты обещал принести мне самую красивую розу?

Он удивленно приподнял бровь, но явно был польщен. Отец за спиной одобрительно хмыкнул.

- Ты еще более очаровательна, чем я помнил, - ответил Астрон. – Твой танец... он был для меня?

Я опустила ресницы, изображая смущение, и почувствовала, как внутри все кипит от отвращения. Но я продолжала играть. Я должна была усыпить их бдительность.

- Для тебя, конечно, - прошептала я, приближаясь почти вплотную. Пахло от него дорогим одеколоном и самодовольством. – Но я приготовила для тебя еще один подарок... Он в моей комнате.

Астрон расплылся в улыбке. Отец довольно кивнул.

- Я принесу его, - сказала я, отступая на шаг и стреляя в Астрона взглядом из-под ресниц. – Подожди меня здесь. Я быстро.

Я развернулась и вышла из зала с гордо поднятой головой, чувствуя, как взгляды провожают меня до двери. Как только створки закрылись за мной, я бросилась бежать. Шаги гулко отдавались по мрамору, я неслась по коридору, влетела в свою комнату, захлопнула дверь и на мгновение замерла, переводя дыхание.

Он поверил. Они все поверили.

Я подбежала к окну. Внизу, прямо под подоконником, росли густые кусты роз – красные, белые, с острыми шипами, которые мама когда-то посадила в день моего рождения. Я распахнула окно, вдохнула теплый воздух свободы и, не раздумывая, прыгнула.

Ветки хлестнули по лицу, колючки впились в руки, в плечи, раздирая кожу. Я почувствовала, как по руке потекла теплая кровь, но не остановилась. Я пробивалась сквозь кусты, царапаясь, падая, вставая. Все тело горело от порезов, но я не чувствовала боли – только азарт, только жажду свободы.

Я выбралась из розовых зарослей на газон. Бедла, которое отец купил мне для встречи с Астроном, было разорвано, испачкано землей и кровью. Но мне было плевать.

Я встала, отряхнулась, посмотрела на свое окно, которое уже было далеко. Никто не выглядывал. Никто не кричал. Я сделала это. Я сбежала.

Я рванула вперед, к старой калитке в задней части сада, которую Надия показывала мне в детстве. Она была ржавой, скрипучей, но открывалась без ключа. Я толкнула ее, и она поддалась.

За калиткой – дорога. Я шагнула на нее, и в груди забилась птица, которая так долго была взаперти.

Я не знала, куда иду. У меня не было денег, документов, плана. Но я была свободна. Впервые в жизни.

Я улыбнулась, глядя на темнеющее небо, и побежала, оставляя за спиной дворец, отца, Астрона и все, что меня держало.

Глава 9

Лейла

Ноги несли меня по узким улочкам, мимо глинобитных стен и резных ставней. Я бежала, пока легкие не начали гореть огнем, и только тогда остановилась, прислонившись к стене, чтобы перевести дыхание.

Вокруг меня шумел ночной город. Такой живой, такой настоящий... Не тот, что я видела из окна дворца. Настоящий – с запахами жареного мяса, специй, мокрой земли. С голосами торговцев, смехом прохожих, звоном монет.

Я медленно пошла по улице, впитывая каждую деталь. Торговые палатки не закрывались даже ночью – они горели огнями, манили теплом и товарами. Где-то жарили лепешки, где-то продавали сладости, пахло кофе и кардамоном. Все вокруг казалось мне невероятным, сказочным и в то же время запретным.

Люди оборачивались мне вслед. Мужчины, женщины, дети – все смотрели на меня. В их глазах я видела удивление, а иногда и осуждение. Я опустила глаза на себя. Разорванный белый бедла, испачканный землей и кровью, открытый живот, руки в царапинах, волосы растрепаны. Я была как белое пятно на темном полотне. Слишком яркая и заметная.

Я прижала руки к груди, пытаюсь прикрыть разорванную ткань, но толку было мало. Ткань висела клочьями, а под ней – следы от шипов, тонкие красные линии, которые саднили и горели.

Я свернула в темный переулок, где было тише. Прислонилась спиной к глиняной стене и закрыла глаза, пытаюсь успокоить дыхание.

- Ты в порядке? – раздался чей-то голос, заставивший меня вздрогнуть и распахнуть глаза.

Передо мной стоял старик – худой, с седой бородой, в потертой одежде. Он смотрел на меня не с осуждением, а с тревогой. Как на заблудившегося котенка.

- Я... да, - сказала я, но голос дрогнул. – Я просто... ищу место, где можно отдохнуть.

Старик посмотрел на меня, на мой наряд, на царапины, и в его глазах мелькнуло понимание. Он молча кивнул в сторону маленькой двери, почти невидимой за ящики.

- Проходи, - сказал он. – Там никто не найдет. Отдохнешь.

Я колебалась. Он мог быть слугой отца. Он мог позвать стражу. Но выбора у меня не было.

- Спасибо, - прошептала я и шагнула за ним в темноту.

Внутри оказалась маленькая комната с одним окном, затянутым пыльной тканью. Старик указал на старый диван и вышел, оставив меня одну. Я села на жесткую ткань, чувствуя, как дрожат руки, и уставилась в одну точку.

Я сделала это. Я сбежала.

Но где я? Куда я иду? Что я буду делать? У меня нет денег, нет документов, нет ничего, кроме этого разорванного бедла и желания быть свободной.

Я подняла глаза на старика, который вошел с горячим чаем в руках, и улыбнулась ему – впервые за долгое время искренне.

- Спасибо, - сказала я. – Я в долгу перед тобой.

Он покачал головой и поставил чай на стол.

- Никто не должен быть рабом, - сказал старик. – Даже если этот раб – дочь эмира.

Чон

Мы приехали рано утром. Слишком рано, даже для меня.

Джин молчал всю дорогу. Тоже не спал, наверное. Но он был из тех, кто предпочитает молчать, когда все очевидно. Мы подъехали к воротам дворца, и я уже приготовился к деловой встрече – собрался, взял планшет, настроился на профессиональный лад.

Но, когда мы въехали на территорию, я понял: что-то не так.

Ворота были открыты настежь, стражи бегали туда-сюда, слуги суеились, кто-то кричал, кто-то плакал. На фоне идеального утра эта суматоха выглядела чужеродной.

- Что за цирк? – пробормотал Джин, выглядывая в окно.

Мы вышли из машины, и к нам тут же подбежал слуга, весь бледный, с трясущимися руками. Он что-то бормотал на своем языке, но я не понимал. Джин перевел, нахмурившись:

- Он говорит, эмир сейчас выйдет. Но... - он запнулся. – Кажется, что-то случилось.

Я не успел спросить, что именно, как двери дворца распахнулись, и на пороге появился эмир. Он выглядел иначе, чем обычно. Не было этой спокойной уверенности, этой львиной грации. Он выглядел очень уставшим. И злым.

Он подошел к нам, остановился и заговорил сухим голосом:

- Молодые люди, я прошу вас подождать с проектом. Сегодня не лучший день для сделок.

- У Вас что-то случилось? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Эмир посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах я прочитал смесь стыда, гнева и... страха. Он колебался, стоит ли говорить приезжим.

- Моя дочь, - сказал он наконец, и его голос дрогнул. – Лейла сбежала. Прошлой ночью. Мы не можем ее найти.

Мир качнулся. Я почувствовал, как планшет в моей руке вдруг стал тяжелым, как камень. В горле пересохло. Я смотрел на эмира, и его слова доходили до меня как сквозь вату.

Она сбежала.

Я должен был сказать что-то деловое. Что-то про проект. Про то, что мы можем подождать. Про то, что это не наши дела. Но мой язык прилип к небу.

- Простите, - услышал я голос Джина. – Мы можем чем-то помочь??

- Нет, - эмир махнул рукой. – Мои люди ищут. Я объявил награду. Ее найдут. Но сегодня, простите, я не могу думать о домах и контрактах. Приезжайте завтра. Или через неделю. Я свяжусь с вами.

Он развернулся и ушел, оставляя нас стоять на крыльце.

- Идем, - сказал Джин, дергая меня за рукав. – Нам здесь нечего делать.

- Да, - сказал я, и мой голос звучал ровно, но в груди все дрожало. – Идем.

Я повернулся и пошел к машине. Не оглядываясь. Но каждый шаг давался с трудом, потому что я знал: она сбежала из-за меня. Из-за того, что я не пришел. Я бросил ее, и она решила, что ей больше не на кого рассчитывать.

Сел в машину, захлопнул дверь, и только тогда позволил себе выдохнуть.

- Она сбежала, - сказал я, не глядя на Джина.

- Я слышал, - ответил он.

- Она сбежала, потому что я не пришел.

- Чон, не накручивай себя.

- Нет, - я повернулся к нему, прожигая взглядом.

Джин молчал. Потом вздохнул и сказал:

- Даже если бы ты пришел, что бы ты сделал? Забрал ее? Увез? Ты хочешь быть героем, но ты не герой. Ты – рекламный агент.

- Знаю, - ответил я тихо.

Я отвернулся к окну. За воротами дворца, в пыльной утренней дымке, виднелся город. Там, где-то там, она была одна. Я должен был прийти к ней. Должен был быть там.

А теперь я даже не знаю, жива ли она.

- Останови машину, - твердо сказал я.

- Зачем?

- Останови, Джин, эту чертову машину!

Джин хлопнул водителя по плечу и сказал ему что-то на арабском, но машина остановилась.

- Я хочу пройтись, - буркнул я и хлопнул дверью.